

Матушанская Юлия Григорьевна

ГРАНИЦЫ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗАПАДА

В данной статье показано, что в современном мире определяющим фактором демаркации границ Запада является мировоззрение, основанное на библейском тексте. То, что человек имеет права, независимо от национальности, вероисповедания, пола и т.д., является подтверждением христианских основ западной цивилизации. Принципы библейской антропологии, пройдя секуляризацию, были усвоены европейцами и вошли гуманистическое мировоззрение.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 126-130. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Итак, праздник как синтез культурных смыслов, как уникальный культурный текст объединяет две противоположные интенции культуры. Во-первых, в игровой форме воспроизводя неустранимую дискретность социокультурных реалий, праздник выступает своего рода «фокусом» преодоления оппозиционных противоречий. Во-вторых, через механизм инверсии, инверсивную переоценку («выворачивание на изнанку» [1, с. 18]), возможную в хронотопе праздничной свободы, через отождествление онтологических, аксиологических смыслов с феминным полюсом, маргинализированным в условиях повседневных реалий, достигается абсолютизация феминного начала (в его онтологической и аксиологической значимости) при нивелировании или элиминации значимости маскулинного. Но вместе с тем праздник являет собой временный символический «механизм» единения, синтеза и гармонизации полюсов дуальной оппозиции, неразрывной и неустранимой по сути в условиях повседневности.

В условиях исторически сложившейся иерархической поляризации гендера, детерминированной андрогенным началом культуры, праздник является выражением рефлексорного компенсирования дуальных гендерных противоречий. Именно в празднике гендер обретает свою первоначальную сущность. Праздник устанавливает гармоничное равновесие между полами, реинтерпретируя значимость женской роли по отношению к мужской, и создает возможность возвращения самого феномена феминности и ее истинно-позитивной значимости в другие сферы бытия.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 294 с.
2. Гужова И. В. Целостная модель праздника как феномена культуры // Вестник ТГПУ. 2006. Вып. 7 (58). С. 92-95.
3. Дугин А. Г. Социология пола [Электронный ресурс]: курс лекций. URL: <http://konservatizm/sociology/140509120251.xhtml> (дата обращения: 14.10.2010).
4. Минюшев Ф. И. Социальная антропология [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.socio.msu.ru/l/library> (дата обращения: 16.11.2010).
5. Топоров В. Н. Мифопоэтическая модель мира // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 2. 406 с.
6. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторов и соискателей. М.: Согласие, 2010. 672 с.
7. Электронный философский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophydic.ru> (дата обращения: 01.09.2011).

INTERPRETATIONS AMBIVALENCE OF HOLIDAY GENDER TRADITIONS AS CULTURE TEXT

Natal'ya Aleksandrovna Lysova
Department of Culturology and Sociology
Chelyabinsk Academy of Culture and Arts
natali02.1977@mail.ru

The author considers the phenomenon of holiday, its symbolic-semantic content in the context of social-cultural reality; analyzes gender expectations and the symbolic representations of masculine and feminine in holiday culture under the conditions of historically formed gender hierarchic polarization.

Key words and phrases: culture text; holiday; daily life; gender; gender traditions; feminine; masculine; ambivalence.

УДК 1/14

В данной статье показано, что в современном мире определяющим фактором демаркации границ Запада является мировоззрение, основанное на библейском тексте. То, что человек имеет права, независимо от национальности, вероисповедания, пола и т.д., является подтверждением христианских основ западной цивилизации. Принципы библейской антропологии, пройдя секуляризацию, были усвоены европейцами и вошли гуманистическое мировоззрение.

Ключевые слова и фразы: мировоззрение; культура; религия; Библия.

Юлия Григорьевна Матушанская, к. филос. н., доцент
Кафедра философии и истории науки
Казанский национальный исследовательский технологический университет
jgm2007@yandex.ru

ГРАНИЦЫ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗАПАДА[©]

Духовные и интеллектуальные достижения разных культур не совпадают ни по времени, ни концептуально, ни в ценностно-смысловом плане, а одни и те же, казалось бы, теории, гипотезы, идеи, категории

в разном социальном, национальном и временном контексте обладают качественным своеобразием. Мы живем в эпоху науки. В этом столетии наши знания об окружающем мире и законах, которые им управляют, чрезвычайно расширились и продолжают расширяться в ускоренном темпе. В то же время мы почти не продвинулись в понимании смысла нашего существования; нет прогресса в области морали и осознания ее ценностей. Однако именно наука на сегодняшний день является тем дискурсивным пространством, в рамках которого возможно изучение цивилизаций.

Термин «цивилизация» появился сравнительно недавно. Впервые его употребил маркиз де Мирабо в своем трактате «Друг законов» (1757). Идея цивилизации была разработана как противопоставление концепции «варварства». Но в то же самое время люди всё чаще говорили о цивилизациях во множественном числе. Это означало «отказ от определения цивилизации как одного из идеалов или единственного идеала» и отход от предпосылки, будто есть единый стандарт того, что можно считать цивилизованным, «ограниченным», – по словам Броделя [13, р. 212-214], – несколькими привилегированными народами или группами, “элитой” человечества». Вместо этого появилось много цивилизаций, каждая из которых была цивилизована по-своему. С. Хантингтон [15], изучая современный мир, считает, что различия в ценностях между разными культурными системами настолько существенны, что «столкновение цивилизаций» неизбежно. В возникающем мире отношения между странами и группами из различных цивилизаций не будут тесными и зачастую будут антагонистическими. И всё же некоторые межцивилизационные отношения больше чреваты конфликтами, чем другие. На микроуровне наиболее напряжённые линии разлома проходят между исламом и его православными, индуистскими, африканскими и западнохристианскими соседями. На макроуровне самое главное разделение – «Запад и остальные».

Относительно разделения мира на Запад и Восток В. Д. Жигунин пишет: «Пространственно-географическая структура истории такова, что она выступает не просто как соседство двух элементов – Востока и Запада, а как некий ряд локальных культур или цивилизационных регионов, даже скорее как спектр их; ведь переход от одного элемента этого ряда к другому элементу подобен от одного цвета к другому цвету. Иная аналогия здесь приходит в голову, – это аналогия с периодической системой Менделеева. Если построить “периодическую систему культур”, то в ней отразятся и Восточно-Западный вектор (если располагать культуру “по горизонтали”) и Северно-Южный вектор (если смотреть на культуру “по вертикали”). С такой точки зрения каждая локальная культура (цивилизация) есть структурно определенное целое, специфика которого, однако, обусловлена не только его внутренним содержанием, но и местом в “периодической системе культур» [7, с. 59].

Сейчас термин «Запад» повсеместно используется для обозначения того, что раньше именовалось христианством. К 1000 году античная империя уже погибла, но возникновение новой Римской империи, по мнению О. Розенштока-Хюсси, было первой попыткой рецивилизации. Европейская цивилизация, ставшая основой современного Запада, выражала идею античного города. При этом сам город назывался Иерусалим, о чем свидетельствует изображение Оттона I на литургической чаше X столетия с надписью «Jerusalem visio pacis». Император рассматривался как государственный свидетель запредельного мира. Возрожденная в X веке латынь сделала Европу полем публичного права, общественного духа и общественного мнения [9, с. 400-406]. Смещение античности и библейских ценностей стало основой цивилизации Запада. Поэтому Запад в современном понимании – понятие не географическое, а скорее мировоззренческое. Такая идентификация вырывает эту цивилизацию из её исторического, географического и культурного контекста. Исторически западная цивилизация является европейской цивилизацией. В современную эру западная цивилизация стала европо-американской, или североамериканской, цивилизацией. Европу, Америку и Северную Атлантику можно найти на карте, а Запад – нельзя.

Именно с расширением западной цивилизации связана проблема глобализации. Под глобализацией понимается расширение и углубление социальных связей и институтов в пространстве и времени таким образом, что на повседневную жизнь людей всё большее влияние оказывают события в других концах Земли. В то же время местные события могут иметь глобальные последствия. Первоначально развитие взаимодействия между народами и странами протекало в форме экспансии Европы, а затем Запада в целом. На сегодняшний день процессы регионализации и глобализации охватили весь земной шар. Существование глобальных систем торговли, финансов и производства связало судьбу народов по всему миру, в результате чего государственно-территориальные границы стали более прозрачными [4, с. 74-75]. Однако целью данного исследования является установление не территориальных, а мировоззренческих границ Запада. По нашему мнению, и в современном мире определяющим фактором демаркации границ Запада является мировоззрение, основанное на библейском тексте.

Отношение к религии в постхристианском мире неоднородно. В соответствии с данными 2005 г. (а подобные данные не меняются внезапно, поэтому, по нашему мнению, они легитимны и сегодня), 70% американцев считают религию важной частью своей жизни. В то время как в Западной Европе демократические традиции основаны на антиклерикальном просвещении [8, с. 112]. Более 40% заявляют, что молятся ежедневно (среди британцев – 2%, среди немцев – 10%). В США 49% взрослого населения считают себя столь же религиозными, как их родители; 21% заявляют, что они более религиозны [Там же, с. 113]. 43% американцев утверждают, что регулярно посещают богослужения. 75% бывают на службах минимум раз в полгода. Тогда как, например, в Германии ходят в церковь менее 15% населения [11, с. 149]. При этом в США церковь отделена от государства. Многие европейцы считают это лицемерием. Однако все ошибки и просчеты в государственной политике не бросают тени на церковь, что прибавляет ей популярности. При этом для американской церкви характерен радикальный эгалитаризм. Все движения против рабства, за права женщин, гражданские права и против войны в США опирались на Библию.

Учитывая популярность религии, американские политики в публичных речах апеллируют к вере в Бога. Так, письмо Дж. Вашингтона об отставке генерала революционной армии было облечено в форму молитвы за

Америку. Президент Джефферсон, будучи деистом, сказал на своей второй инаугурационной речи: «Мне также понадобится милость того существа, в руках которого находится наша судьба, которое вело наших отцов, как когда-то Израиль...». Для изображения на печати новых Соединенных Штатов Джефферсон предложил изобразить рисунок колен Израилевых в пустыне. Бенджамин Франклин высказался в пользу Моисея, ведущего израильтян через Красное море. Не набожный человек Авраам Линкольн в 1862 г. написал «Размышление о Божественной воле». Во второй своей инаугурационной речи он говорил о неисповедимом Боге, обрешем Север и Юг на войну. Гэрри Трумэн апеллировал к Всемогущему в борьбе с коммунизмом, а Джон Ф. Кеннеди в инаугурационной речи упомянул Исход и обретение скрижалей на горе Синай [8, с. 116-117].

Еще М. Вебер связывал протестантизм с капитализмом [2]. Дуализм веры и преуспевания – общая проблема западной культуры [9, с. 409]. В рамках перфекционизма протестантизм гораздо более широко прорисовывает перспективы морального совершенствования, нежели другие христианские конфессии: если православие и католицизм признают возможность очищения лишь от так называемой личной греховности, то протестантская этика предполагает возможность полного очищения и достижение личной святости. Важнейшей сферой перфекционных усилий индивида мыслится в протестантской этике трудовая сфера: успешность в той или иной (любой полезной) деятельности мыслится как свидетельство богоизбранности, и под дарованной благодатью понимается в этом контексте призвание, трактуемое как призвание к конкретному виду деятельности и в конечном счете как профессия. Бог призывает человека к тому или иному труду, даруя ему задатки и способности, с одной стороны, и спрашивая потом, хорошо ли он ими распорядился, – с другой. Иначе говоря, профессиональное призвание понимается как Божий призыв. Глубинное значение цивилизации может быть определено через слово «гражданин», гражданин данной местности и гражданин более обширного царства. Тайна цивилизации, по мнению Розенштока-Хюсси, в этой двойной зависимости [Там же].

Мастерство и его экономическая эффективность выступают, таким образом, как свидетельства богоизбранности, а постоянное совершенствование в своей специальности понято как моральный долг перед Богом, ответственность за исполнение услышанного призыва. В силу этого трудолюбие есть, с точки зрения протестантской этики, максимальная ценность. Профессионализм нужно реализовать, адаптировать социально. В этой связи профессиональная продуктивность и деловой успех выступают свидетельством достойного выполнения долга, леность же греховна, ибо праздный «не услышал» Божьего призыва. Концепция призвания как богоугодности центрирует всю систему моральных добродетелей: бережливость и приумножение капитала, трудовое воспитание детей, прилежание, честность в исполнении трудовых обязательств и соглашений.

Этика выступает семантическим ядром протестантизма, и ее содержание является фундаментальным как для ранних доктрин эпохи Реформации, так и для современных модификаций протестантизма. Это делает человека моральным сувереном, ставя его перед необходимостью в уникальных условиях каждой конкретной жизненной ситуации осуществлять выбор, исходя не из буквы, а из духа нравственных заповедей. Предельная теистичность протестантизма задает в его контексте и подчеркнуто заостренную, экстремальную форму личностной артикулированности Бога: для протестантизма типичен акцент не на его трансцендентных характеристиках, а на параметрах человекосоразмерной персонафицированности.

В отличие от США в Европе религиозность считается свидетельством отсталости и антиинтеллектуальности, но при этом церковь не отделена от государства. История этих противоречий начинается с Реформации, настаивавшей на чтении Библии без посредства священника, и антиклерикальной позиции Просвещения. Начиная со Шлейермахера, а затем в критике Библии в конце XIX века Европа выработала свою собственную традицию либеральной религиозности. Доминирующее в Европе богословие позиционирует веру, избегая противоречий с естественно-научными знаниями об эволюции. Там преобладает богословие, понимающее себя как сестру философии [11, с. 149]. В контексте развития новоевропейского рационализма для протестантизма типична интенция не столько на мифологическое, сколько на историческое толкование Иисуса: реконструкции «исторической биографии» Христа в либеральной теологии [5] и идея непосредственного присутствия Христа в мире в радикальной теологии Бонхеффера [1; 12]. Снятие в протестантизме акцента с внешнего формализма сообщает данной интенции специфическую человекосоразмерность содержания, свободную от экстремальных парадигмальных матриц. Однако, что касается европейских дискуссий об этике и прогрессе, то они основаны на представлении Просвещения об индивидуализме и правах человека. Участники этических дискуссий не ссылаются на Библию, хотя религиозным является 40% населения Западной Европы. Так, Ю. Хабермас задал вопрос, не следует ли эмбриону придать статус «второй личности», которая имела бы равные права при определении того, какие медицинские действия можно с ним производить [8, с. 117-119].

Важнейшей тенденцией в развитии протестантской этики является ее ориентация на раннехристианские идеалы любви и милосердия: от раннего – «служить Богу есть не что иное, как служить ближнему, будь то ребенок, жена, слуга... кто телесно или душевно в тебе нуждается; это и есть богослужение» – у Лютера до движения ривайвализма (англ. *revival* – возрождение, пробуждение), выступившего с нравственной программой духовного пробуждения как возрождения истинной апостольской веры и актуализации исходного содержания тезиса «Бог есть любовь» в теологии «смерти Бога». В историческом разворачивании традиции протестантизма как содержательные, так и аксиологические основоположения протестантской этики претерпевают существенную эволюцию. Для раннепротестантской этики характерна акцентировка идеи первородного греха, фундирующая собою трактовку природы человека как неспособной к добру, что приводит к оформлению в раннем протестантизме парадигмы сотериологии, выражающейся тезисом «*sola fide*». В этом

контексте раннепротестантская этика актуализирует высказанную Августином идею «даром данной благодати», восходящую к библейскому сюжету о Дарах Святого Духа в I Коринфянам 12:8-10.

Гарантом спасения выступает крестная жертва Христа: исконно грешный, человек оправдан лишь этой искупительной жертвой, и личная вера в Спасителя есть, в первую очередь, доверие, поверение Богу и земной своей судьбы, и судьбы спасения своей души. В отличие от этого, в зрелом протестантизме оформляется идея так называемого безрелигиозного христианства, основанного на презумпции «совершеннолетия мира»: в современном своем состоянии «совершеннолетний мир», следуя требованиям «интеллектуальной честности», должен отказаться от «гипотезы Бога», служащей лишь эвфемизмом незнания, а следуя требованиям моральной самодостаточности – принять наконец на себя всю полноту моральной ответственности, доселе переадресуемой Богу, мыслимому в качестве избавителя от нужд и проблем, и переориентироваться с индивидуалистских целей личного спасения на гуманистические цели альтруизма, т.к. быть христианином не означает быть религиозным, а означает быть человеком. Исходная протестантская парадигма «даром данной благодати» заменяется парадигмой «заслуженной благодати», обретаемой посредством мирского служения людям.

В этом контексте ригоризм протестантской этики эволюционирует от ранней парадигмы «sola fide» и предопределенности моральной статуса к концепции перфекционизма посредством не акцентированных в раннепротестантской сотериологии «добрых дел». Механизмом морального очищения выступает ежедневное вершение блага, и последовательное, поэтапное совершенствование на пути добра есть путь к святости (любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание, как написано в Послании к Галатам 5:22-23). Подобное отношение к деятельностной стороне жизни нашло отражение в американском «lifestyle evangelism» (определение принадлежит Дж. Тамни) [17]. Идея состоит в том, чтобы прожить свою жизнь как можно ближе к религиозным канонам, что приведет к тому, что окружающие начнут воспринимать тебя как светлый пример и спрашивать о твоих убеждениях [3, с. 137]. После Второго Ватиканского собора католицизм также предпочитает подчеркивать не только авторитет духовенства, но и личное отношение к Богу [16].

Само то, что человек имеет права, независимо от национальности, вероисповедания, пола и т.д., является величайшим подтверждением христианских основ цивилизации Запада, т.к. именно в Новом завете в Послании к Галатам 3:28 провозглашено, что нет ни эллина, ни иудея, ни мужчины, ни женщины, ни раба, ни свободного. Однако заявленное в Библии равенство зачастую не имеет места на практике. Именно такое несоответствие должного и сущего привело к тому, что западная цивилизация – это цивилизация революций. Это отразилось и на радикальной теологии. В зависимости от специфики того или иного направления Христос рисуется в образе «бедного», «черного», «партизана» и т.д. [6, с. 17]. С начала 70-х годов XX века распространяются различные формы «теологии освобождения»: негритянской, женской, латиноамериканской и т.д. [14, р. 97-98]. В качестве методологической основы ими выбраны близкие по социальному звучанию идеи светской философии типа «философии надежды» Э. Блоха, «критической теории» Ю. Хабермаса и Г. Маркузе и других представителей франкфуртской школы [6, с. 23]. Это свидетельствует о том, что социальные преобразования и религия взаимосвязаны. В этой связи интересна оценка перспектив развития культур П. Сорокина в связи с характером общественного строя. Как и ряд других мыслителей, он развивал идею конвергенции и полагал, что доминирующим типом возникающего общества будет ин капиталистический, ни коммунистический, а интегральный, включающий позитивные ценности двух этих типов [10, с. 115-116].

Монотеизм часто приводил к борьбе за монополию на истину. В Новое время судебная и политическая функции в значительной степени были изъяты у церкви. Но принципы библейской антропологии и естественного права, пройдя секуляризацию, были усвоены европейским человечеством, вошли в его гуманистическое мировоззрение.

Список литературы

1. **Бонхёффер Д.** Сопrotивление и покорность // Вопросы философии. 1989. № 11.
2. **Вебер М.** Избранное: образ общества. М.: Юрист, 1994.
3. **Вольфе А.** Примирение и раскол: о различиях между религией в теории и на практике // Internationale Politik. 2005. № 2.
4. **Гаджиев К. С.** Введение в геополитику. М.: Логос, 1998.
5. **Гарнак А.** Сущность христианства. М.: Интрада, 2001.
6. **Добреньков В. И., Радугин А. А.** Христианская теология и революция. М., 1990.
7. **Жигунин В. Д.** Древность и современность. Казань: Новое знание, 2000.
8. **Пэлли М.** Дуэль парадоксов: замечания по теме «Религия в США и Европе» // Internationale Politik. 2005. № 2.
9. **Розеншток-Хюсси О.** Великие революции: автобиография западного человека. М.: ББИ, 2002.
10. **Сорокин П.** Главные тенденции нашего времени. М., 1997.
11. **Фойгт К. Д.** Во что верит Запад? США и Европа: общие исторические корни, различные пути // Internationale Politik. 2005. № 2.
12. **Bonhoeffer D.** Letters and Papers from Prison. L., 1956.
13. **Braudel F.** On History. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
14. **Feri D.** Wanted: Theologikals. Who are Theologians? // Theology Today. 1980. Vol. 47. № 1.
15. **Huntington S. P.** The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y., 1996.
16. **Lee B. J., D'Antjnio W. V.** The Catholic Experience of Small Christian Communities. N. Y., 2000.
17. **Tamney J.** The Residence of Conservative Religion. The Case of Popular, Conservative, Protestant Congregations. N. Y., 2002.

BORDERS AND WORLDVIEW FOUNDATIONS OF WESTERN CIVILIZATION

Yuliya Grigor'evna Matushanskaya, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy and Science History
Kazan' National Research Technological University
jgm2007@yandex.ru

The author shows that in the modern world the determining factor of the West borders demarcation is the worldview based on the Scripture. The fact that a man has rights, regardless of nationality, religion, sex, etc. is the confirmation of Western civilization Christian foundations. The principles of biblical anthropology, having gone through secularization, were adopted by the Europeans and were included into humanistic worldview.

Key words and phrases: worldview; culture; religion; Bible.

УДК 34(571)

Статья раскрывает особенности перестройки промышленных и кооперативных предприятий местного подчинения в годы войны на территории Красноярского края. Основное внимание уделяется расширению ассортимента товаров, услуг, решению кадровой проблемы, повышению эффективности работы предприятий местной промышленности.

Ключевые слова и фразы: артели; мастерские; промышленные кооперативы; фабрики; производительность труда.

Людмила Эдгаровна Мезит, к.и.н., доцент
Кафедра отечественной истории
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
mezit@yandex.ru

**КРАСНОЯРСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ МЕСТНОГО ПОДЧИНЕНИЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ[©]**

В настоящее время основная масса работ по истории индустриального развития Сибири в годы Великой Отечественной войны практически не касается вопросов той части промышленного потенциала, которая находилась в подчинении местных органов власти [5; 6]. Специального исследования, посвященного развитию промышленности местного подчинения на территории Красноярского края, до сих пор не проводилось.

К началу Великой Отечественной войны промышленность края насчитывала 631 предприятие с общим среднегодовым числом работающих 83,9 тыс. человек [7, с. 336]. Она была представлена предприятиями союзного, республиканского и местного, т.е. краевого и районного, значения. В данной статье предпринята попытка проанализировать деятельность предприятий местного подчинения.

Местным органам власти подчинялись предприятия краевого и районного подчинения нескольких Наркоматов, в том числе Наркомата местной промышленности, Наркомата пищевой промышленности, Наркомата легкой промышленности и других. Кооперативная промышленность, также относившаяся к местной негосударственной промышленности, подчинялась общественным организациям – союзам. Перед местной и кооперативной промышленностью в годы Великой Отечественной войны стояли две основные задачи: выпуск продукции для нужд фронта и обеспечение населения необходимым ассортиментом товаров широкого потребления.

В 1942 году местная промышленность края была представлена 5 швейными, ваяльно-войлочной, шорной фабриками, двумя обувными мастерскими, стекольным заводом, кожзаводом, фабрикой кожаных изделий, 163 промысловыми артелями, 43 райгорпромкомбинатами, 4 промкомбинатами краевого подчинения, 50 артелями инвалидов, 139 лесопромысловыми артелями. Предприятия пищевой промышленности объединяли в своем составе 5 краевых предприятий, 2 треста и 11 райпищеккомбинатов. Общая численность рабочих местной промышленности составляла более 15 тысяч рабочих и 873 инженерно-технических работника. Они выпустили промышленной продукции и предоставили населению услуги на общую сумму более 221 тыс. рублей [2, д. 428, л. 8-11].

Война внесла существенные изменения в ассортимент выпускаемой продукции: швейные мастерские занимались ремонтом военного обмундирования, обувные - изготовлением утяжеленных валенок, металлические мастерские – изготовлением корпусов мин 55 мм и стабилизаторов для 82 мм мин и т.д. [3, д. 20, л. 105].

С 1942 г. промысловые артели Ужурского района помимо изготовления лыж для Красной Армии приступили к изготовлению пихтового масла, дегтя, сапожного крема, кожевенный завод - к пошиву полушубков для бойцов [8, д. 12, л. 253 об.].